

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.09

Правильная ссылка на статью:

Мельникова Е. А. «Жизнь» и «смерть» социологии девиантности: причины упадка и перспективы возрождения дисциплины // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 135—150. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.09.

For citation:

Melnikova E. A. The «life» and «death» of the sociology of deviance: causes of decline and perspectives on renewal. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 5. P. 135—150. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.09.

Е. А. Мельникова

«ЖИЗНЬ» И «СМЕРТЬ» СОЦИОЛОГИИ ДЕВИАНТНОСТИ: ПРИЧИНЫ УПАДКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ

«ЖИЗНЬ» И «СМЕРТЬ» СОЦИОЛОГИИ
ДЕВИАНТНОСТИ: ПРИЧИНЫ УПАДКА
И ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ
ДИСЦИПЛИНЫ

THE «LIFE» AND «DEATH» OF THE SOCIOLOGY OF DEVIANCE: CAUSES OF DECLINE AND PERSPECTIVES ON RENEWAL

МЕЛЬНИКОВА Елена Александровна — аспирантка факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-MAIL: leni.melnikova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2297-5995

Elena A. MELNIKOVA¹ — PhD student
E-MAIL: leni.melnikova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2297-5995

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. В статье анализируются причины кризисного состояния социологии девиантности. Отмечается, что это некогда успешное исследовательское направление сегодня пребывает в упадке, одно из свидетельств этого — развернувшаяся на страницах академических изданий дискуссия о состоятельности социологии девиантности как академической дисциплины и продуктивности девиантности как аналитической категории. Демонстрируется, что дисциплина остаётся популярной

Abstract. The article discusses the crisis state of the sociology of deviance. Once successful, this discipline is currently experiencing a decline as evidenced by the discussion in scholarly journals concerning the efficiency of the sociology of deviance as an academic discipline and the productivity of deviance as an analytical category. A small number of deviance-related works in the leading sociological journals (especially compared to the period of rise of this discipline in the 1960s and the 1970s) proves that.

в университетских аудиториях, но при этом пребывает в теоретической «спячке», что проявляется, помимо прочего, в слабой представленности работ по проблематике девиантности в ведущих социологических журналах (особенно в сравнении с 1960—1970 гг., периодом расцвета дисциплины). Рассматриваются основания критики социологии девиантности. На основе анализа аргументации ключевых участников так называемого «спора о смерти девиантности» делается вывод о необходимости «пересборки» дисциплины. В связи с этим, с одной стороны, отмечается тенденция отказа от понятия девиантности в пользу нейтральных, неskomпрометиrowанных терминов (таких, как, например, «неконвенциональное поведение») и превращения социологии девиантности из самодостаточной дисциплины в своего рода «инструмент повышения чувствительности» социального исследователя. С другой, указывается на попытки «перезапуска» дисциплины за счёт разработки интегративных концепций девиантности.

Ключевые слова: история социологии, социология девиантности, девиантность, нормативный порядок общества, моральный релятивизм, социальный контроль, конструирование девиантности, стигматизация, социальный ущерб

The author considers criticism over this discipline. Based on the analysis of the debate over the «death of deviance», the author concludes that the discipline needs to be revised. Hence, there is a tendency toward defining deviance as a neutral notion (such as «non-conventional» behavior) and an attempt to turn the discipline from self-sustainable into «a tool aimed to improve the sensitivity» of social researcher. At the same time, the deviance concept can be «reset» if an integral approach is developed.

Keywords: history of sociology, sociology of deviance, deviance, normative order of society, moral relativism, social control, construction of deviance, labeling approach, stigmatization, social harm

Введение

Классик отечественной криминологии Я. И. Гилинский указывает на то, что социология девиантности находится «на окраине социологических знаний» [Гилинский, 2009: 70]. Причину этого автор видит в нереспектабельности этой дисциплины, ведь ее объект — «преступность, наркотизм, пьянство, коррупция,

терроризм, проституция, самоубийства и т. п. безобразия» [Гишинский, 2009: 70]. Взгляд на социологию девиантности как на низкостатусную и маргинальную науку о «безобразиях» весьма типичен. Между тем, девиантность как аналитическая категория самым тесным образом связана с ключевыми для социологии понятиями, такими как социальные нормы, социальный порядок, социальная солидарность и пр. Тем удивительнее не востребованность и недооцененность данного исследовательского направления. Можно предположить, что главная причина этого заключается не в специфичности объекта, а в кризисном состоянии рассматриваемой дисциплины. Еще в 1994 г. вышла книга Колина Самнера с характерным названием «Социология девиантности: некролог» [Sumner, 1994]. Главный тезис этой работы может быть сформулирован следующим образом: социология девиантности, появившаяся на свет в 90-е гг. XIX в. благодаря Эмилию Дюркгейму, умерла от неразрешимых внутренних противоречий в период с 1968 по 1975 гг. [Sumner, 1994: 5]. Книга задала вектор для растянувшейся на годы дискуссии, известной как спор о смерти социологии девиантности [Best, 2004a; Best, 2004b; Best, 2006; Best, 2014; Goode, 2002; Goode, 2003; Goode, 2004a; Goode, 2004b; Goode, 2006a; Goode, 2006b, Goode, 2014; Dotter, 2014; и многие др.]. Ключевые вопросы, обсуждавшиеся при этом, — во-первых, состоятельность социологии девиантности как академической дисциплины и, во-вторых, жизнеспособность девиантности как аналитической категории.

(Не)состоятельность социологии девиантности как академической дисциплины

Рассматривая функционирование социологии девиантности как академической дисциплины, проанализируем ее востребованность в качестве учебного курса, а также то, насколько она представлена в ведущих научных изданиях.

Энн Хендершот, яростно критикующая социологию девиантности за присущий ей моральный релятивизм (эта линия критики будет рассмотрена ниже), задается риторическим вопросом: почему кто бы то ни было должен стремиться к преподаванию этой умершей покоем дисциплины? [Hendershott, 2002: 1]. Однако факты свидетельствуют об обратном. К примеру, Эрих Гуд, проанализировав представленность социологии девиантности в каталоге курсов 25 ведущих американских университетов, заключил, что эта дисциплина предлагается для изучения в 16 из них [Goode, 2003: 514].

Возможно, еще более важно то, что курсы по социологии девиантности неизменно вызывают горячий отклик у студентов. Патрисия Адлер и Питер Адлер, комментируя большую популярность дисциплины у будущих социологов, пишут, что если спросить у них, какие социологические понятия они запомнили, то они первым делом упомянут пять моделей адаптации Роберта Мертона, стадии становления пользователя марихуаны Говарда Беккера и описанную Ирвингом Гофманом дихотомию дискредитированной и дискредитируемой стигмы и т. п. [Adler, Adler, 2006: 132].

Одно из свидетельств энтузиазма студентов в отношении социологии девиантности — увеличение числа учащихся, записывающихся на этот курс. Так, по данным Э. Гуда, к началу 2000-х годов в сравнении с концом 1970-х годов оно увеличилось примерно в три раза (см. рис. 1) [Goode, 2003: 516].

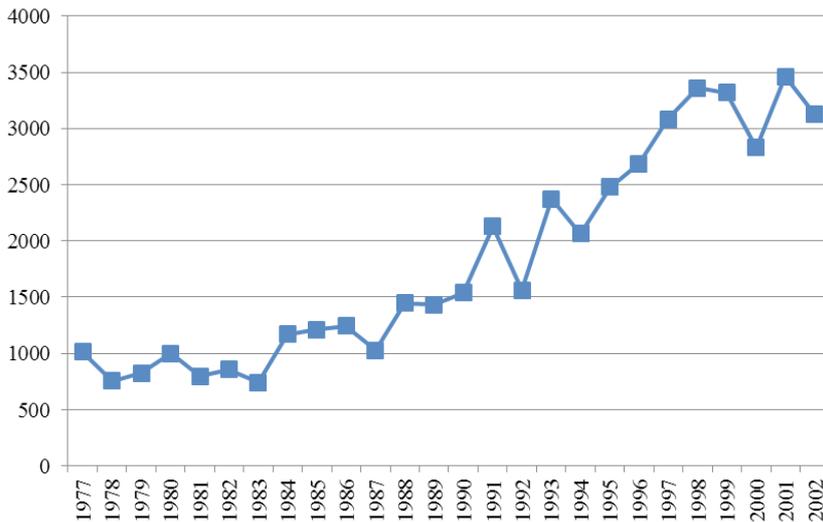

Рисунок 1. Число зарегистрировавшихся на курс по социологии девиантности студентов университетов США, 1977—2002 гг.¹

Впрочем, очевидно, что возрастание числа студентов, включающих в свой учебный план курс по социологии девиантности, объясняется не только предполагаемым ростом интереса к дисциплине, но и увеличением количества департаментов, имеющих этот курс в своем портфеле (см. рис. 2) [Goode, 2003: 516].

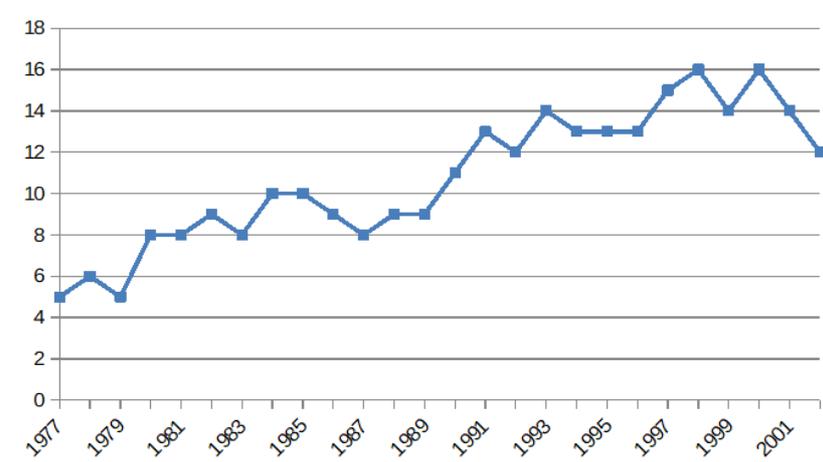

Рисунок 2. Предложение курса по социологии девиантности в 19 принявших участие в опросе университетах США, 1977—2002 гг.

¹ Данные на рис. 1 представлены на основе статистики записи на курс, полученной в ходе опроса представителей департаментов социологии американских университетов.

Отметим, что разделы, посвященные тем или иным аспектам социологического изучения девиантности, есть в большинстве изданных в течение последних лет на Западе пособий по общей социологии (названия этих разделов варьируются: «Девиантность, преступность и социальный контроль», «Девиантность и нормы», «Девиантное поведение и социальный контроль», «Девиантность» и т. п.). В 2000-е годы в ведущих научных издательствах активно выпускались и специализированные учебники по социологии девиантности. Центральное место в них, как и ранее, занимали разделы, посвященные уличным преступлениям, употреблению наркотиков и сексуальности (с той лишь разницей, что некоторые старые сюжеты получили новые трактовки, пример — рассмотрение в рамках раздела, посвященного сексуальности, вопросов, которые ставит перед исследователями возникновение и бурное развитие феномена киберсекса) [Feinberg, 2011: 384]. Еще одной отличительной чертой подобных изданий 2000-х годов стали главы, посвященные корпоративной (или организационной) девиантности (так, в учебнике П. Адлера и П. Адлера [Adler, Adler, 2008] есть раздел, посвященный проблеме сексуального насилия в католической церкви, а Э. Гуд включил в свою книгу [Goode, 2011] главу, посвященную организационной девиантности в целом).

Как полагают Э. Гуд и его сторонники, сохраняющаяся популярность курсов по социологии девиантности и активное издание новых тематических учебных пособий — верный знак того, что данная дисциплина сохраняет свою актуальность. Однако их оппоненты справедливо указывают на то, что востребованность социологии девиантности как составляющей учебного плана социологического бакалавриата не означает ее состоятельности в качестве плодотворного исследовательского направления. Учитывая это, ряд критиков социологии девиантности называют ее дисциплиной, которая «жива в учебных курсах, но нежизнеспособна, когда дело доходит до серьезных исследований» [Dellwing, Kotarba, Pino, 2014: 3]. Джозел Бэст, к примеру, использует в качестве аргумента слабую представленность работ по проблематике девиантности в ведущих академических изданиях (особенно в сравнении с 1960—1970 гг., периодом расцвета дисциплины). Он, в частности, изучил динамику использования понятия «девиантность» в пяти ведущих социологических журналах: «American Sociological Review», «American Journal of Sociology», «Social Forces», «Annual Review of Sociology» и «Social Problems» [Best, 2014: 60]. На приведенном на рис. 3 графике, отражающем результаты этого исследования, отчетливо видно, что последовательный рост числа публикаций в период с 1940-х по 1970-е годы сменился резким спадом в 1980-е — 2000-е годы.

Еще один аргумент сторонников тезиса о несостоятельности социологии девиантности — характерные для этой области знания паттерны цитирования, позволяющие предположить, что со времен 1960-х-1970-х годов эта научная специализация не дала миру новых крупных авторов. К примеру, Дж. Миллер, Р. Райт и Д. Даннэлс исследовали, какие авторы наиболее цитируемы из числа социологов девиантности и криминологов [Miller, Wright, Dannels, 2001]. Для этого они проанализировали тематические учебники и статьи из журналов «American Journal of Sociology», «American Sociological Review», «Deviant Behavior», «Social Forces» и «Social Problems». Учитывалось каждое упоминание той или иной работы

(или того или иного автора) в тексте. При этом были выделены два типа показателя: частота (англ. incidence), то есть общее число цитирований исследователя/работы в выделенных для анализа 263 публикациях по теме девиантности, и распространенность (англ. prevalence), или общее число публикаций, цитирующих ученого/работу. По итогам анализа был сформирован список из 67 наиболее влиятельных исследователей. В список наиболее цитируемых работ попали публикации, которые были процитированы не менее 20 раз, при этом общее число номеров журналов, где они были процитированы, составило не менее десяти [Miller, Wright, Dannels, 2001: 47]. Всего было выделена 31 работа, удовлетворяющая этим критериям.

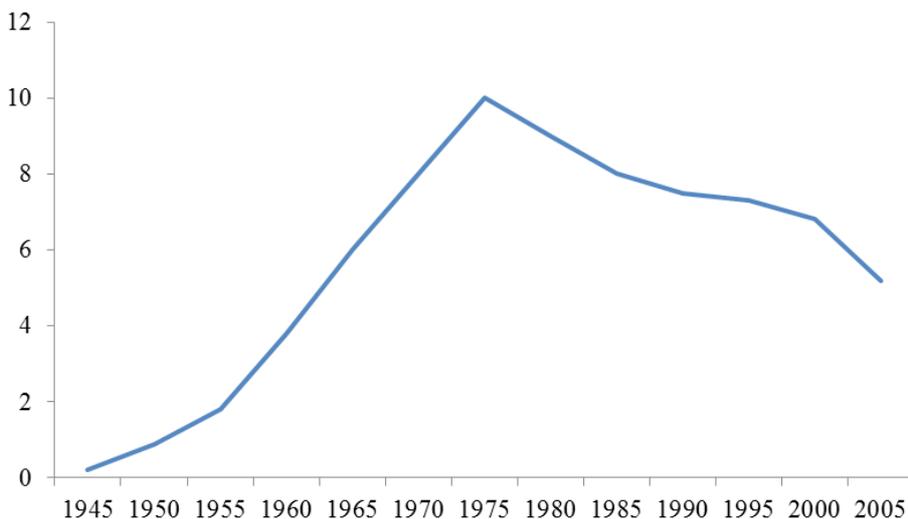

Рисунок 3. Среднее количество статей по проблематике девиантности на журнал в год в пяти ведущих социологических журналах, 1940—2010 гг.

Из 67 исследователей, отнесенных к числу наиболее цитируемых, 33 (49,3%) были классифицированы как социологи девиантности, соответственно, остальные представляют другие области знания, прежде всего криминологию. Далее, в топ-15 входит лишь пять социологов девиантности, причем речь идет преимущественно об авторах, активно публиковавшихся до 1975 г. При анализе же того, как обстоят дела в поле криминологии, результаты иные: в числе наиболее востребованных авторов преимущественно криминологи (87,8%), и почти все они публиковались в течение последних десятилетий. Аналогичная ситуация и с публикациями: среди наиболее цитируемых работ по проблематике социологии девиантности лишь две опубликованы после 1975 г. [Miller, Wright, Dannels, 2001: 43]. Это может навести на мысль о том, что К. Самнер все же был прав, и социология девиантности если не мертва, то как минимум находится в теоретической «спячке».

Вместе с тем, исследование Дж. Миллера и соавторов уязвимо для критики. Дело в спорности критериев отнесения тех или иных исследователей или публи-

каций к полю социологии девиантности или же криминологии. В частности, социология девиантности была определена ими как дисциплина, ориентированная, прежде всего, на конструктивистский подход к изучению неконвенционального поведения (в отличие от криминологии, где конструктивизм не прижился). Кроме того, отмечается, что социология девиантности использует в первую очередь этнографический метод, в то время как криминология — дисциплина, ориентированная на задействование количественных данных, соответственно, она опирается в первую очередь на полицейскую статистику, данные опросов и т. п. [Miller, Wright, Dannels, 2001: 47]. Подобное спорное различие, итогом которого стало искусственное отсечение от корпуса текстов по социологии девиантности работ, выполненных не в конструктивистской традиции, ставит под вопрос обоснованность выводов, сделанных авторами исследования.

Э. Гуд, комментируя выводы Дж. Миллера, Р. Райта и Д. Даннэлса, пишет о том, что криминологические работы и в самом деле «оттягивают на себя почти половину цитирований» в публикациях по тематике девиантности [Goode, 2014: 22—23]. Он связывает это, помимо прочего, с тем, что криминология более удачлива, чем социология девиантности, в деле аккумуляции престижа и финансовых ресурсов. Последнее можно объяснить успешной самопрезентацией в качестве количественной науки, практическому фокусу и четко определенными границами криминологии. Социология девиантности же, напротив, имеет довольно расплывчатые границы, так, сегодня существует несколько достаточно сильно отличающихся друг от друга версий этой дисциплины. Э. Гуд в связи с этим отмечает: социология девиантности в США весьма однородна, прагматична и, как следствие, тесно связана с криминологией и уголовным правосудием, в то время как неамериканская ее версия скорее теоретически ориентирована и очень разнообразна [Goode, 2014: 18].

Впрочем, главную причину низкой цитируемости авторов, работающих в поле социологии девиантности, Э. Гуд видит в том, что «очень многие исследовательские направления в рамках социологии заимствовали и адаптировали концепт девиантности для своих нужд» [Goode, 2014: 22—23]. По сути, продолжает Э. Гуд, мы здесь имеем дело с описанным еще Робертом Мертоном уничтожением путем поглощения [Merton, 1979]. Речь идет о ситуациях, при которых некогда новаторские и плодотворные идеи, характеризующие ту или иную область знания, становятся чем-то вроде *common sense*, после чего они отделяются от своего источника и инкорпорируются прочими, смежными субдисциплинами. Именно это, по мысли Э. Гуда, произошло с социологией девиантности, когда многие разработанные в ее рамках идеи и концепции были успешно адаптированы смежными исследовательскими полями. Вот лишь незначительное число примеров такого рода идей и концепций: стигма (которая повлияла на изучение инвалидности, трансгендерности, миграции и т. д.), медиализация девиантности (эти идеи получили развитие в рамках социологии медицины), моральные паники (это понятие нашло применение в исследованиях коллективного поведения, в криминологии, в исследованиях массовой коммуникации, и т. п.) [Goode, 2014: 24—25]. То есть, по мысли Э. Гуда, описанные Дж. Миллером и соавторами специфические паттерны цитирования объясняются не фактом несостоятельности социологии девиант-

ности, а, напротив, ее успехом, итогом чего стало проникновение ключевых для этой дисциплины концептов в другие, смежные исследовательские направления.

Впрочем, П. Адлер и П. Адлер указывают на то, что истинная угроза дисциплине исходит не столько от криминологии, сколько от психологии и психиатрии. По их мнению, именно эти науки сделали наиболее впечатляющий прорыв на территорию, которая традиционно принадлежала социологии девиантности. Вооруженные соответствующим руководством², они обладают властью переопределять различные типы девиантного поведения в качестве проявлений тех или иных психических заболеваний. «Интернет стал чрезмерно популярным? Психиатры создали соответствующее заболевание — интернет-зависимость, и вот уже полиция в Цинциннати обвинила женщину в том, что она не уделяет своим детям достаточно внимания по причине этой болезни» [Adler, Adler, 2006: 138—139]. Другие примеры подобных недавно введенных в оборот расстройств: спровоцированное кофеином тревожное расстройство, ингаляционное злоупотребление, телесное дисморфическое расстройство, расстройство дорожной ярости, хроническая прокрастинация и многое др. Если речь идет о заболеваниях, значит, их необходимо лечить, как результат — значимым игроком на исследуемом поле оказываются фармацевтические компании. Первые работы о медиализации как значимом тренде в исследованиях девиантности появились еще в 1980-е годы [см., например: Conrad, Schneider, 1980], но именно в 2000-е годы справедливость этого утверждения стала очевидной [Adler, Adler, 2006: 140]. Эта парадигма, очевидно, смещает акценты: если ранее девиантность рассматривалась через призму волеизъявления и последующей ответственности за совершенное, то теперь нередко речи об этом уже не идет, ведь мы говорим о болезни.

Девиантность как аналитическая категория в мире морального релятивизма

К. Самнер выделяет три основных этапа развития социологии девиантности. Первый этап — это период с 1895 по 1940 гг., когда центральными для дисциплины были вопросы социальных проблем и социального контроля. Следующий этап, длившийся с 1941 по 1967 гг., стал периодом зрелости и расцвета дисциплины. Именно в этот «золотой век» социологии девиантности были опубликованы «Убежище» и «Стигма» И. Гофмана [Goffman, 1961; Goffman, 1963], «Аутсайдеры» Г. Беккера [Becker, 1963], «Преступления без потерпевших» Эдвина Шура [Schur, 1965] и многие другие ставшие впоследствии классическими работы. Наконец, 1968—1975 гг. — время, когда пришедшие из Европы критические теории уничтожили дисциплину. К. Самнер пишет, что социология девиантности сегодня представляет из себя интеллектуальную территорию, которая «бесплодна, полна пустых окопов и кратеров, усеяна неразорвавшимися минами и устрашающе безмолвна» [Sumner, 1994: 9]. По его мнению, «пришло время бросить оружие и проявить уважение к мертвым» [Sumner, 1994: 9].

Что стоит за утверждением К. Самнера об уничтожившей дисциплину волне критики? Прежде всего, речь идет о левой критике. Ее суть сводится к рассмотрению

² Речь идет о диагностическом и статистическом руководстве по психическим расстройствам DSM, или Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders, разработанном Американской психиатрической ассоциацией.

социологии девиантности в качестве дисциплины, в рамках которой клеймятся одни типы поведения и замалчиваются другие, в частности — «неэтичные, незаконные и разрушительные действия наделенных властью людей, групп и институтов нашего общества» [Liazos, 1972: 111]. Другими словами, социологи в этом случае способствуют осуществлению скрытого институционального насилия³. Источником второй волны критики социологии девиантности стало женское движение, которое критиковало дисциплину как за преуменьшение виктимизации женщин, так и за игнорирование того факта, что в сексистской культуре женщины были постоянным объектом стигматизации. В-третьих, члены движений за права ЛГБТ, инвалидов и некоторых других категорий населения стремились оспорить обоснованность рассмотрения последних в качестве девиантов. Подобная моральная критика, очевидно, стала особенно болезненной для исследователей, работавших в русле конструктивистского подхода, ведь они полагали, что находятся на стороне «угнетенных», а не «угнетателей».

Кроме того, популярная в 1960—1970-е годы концепция стигматизации критиковалась коллегами по социологическому цеху за игнорирование эмпирических исследований, свидетельствующих о том, что лишь незначительное число того, что было отнесено к девиантности, могло быть объяснено в терминах наклеивания ярлыков [Best, 2014: 56—57].

Наконец, еще одним фактором упадка дисциплины стала утрата ею статуса морального арбитра. Это объясняется тем, что в современном мире говорить о «нормальном» можно лишь применительно к тому или иному социальному контексту. В результате концепт девиантности сегодня нередко рассматривается как инструмент «воспроизводства фантомов стабильных миров» [Dellwing, Kotarba, Pino, 2014: 4]. Крах социологии девиантности «в качестве инструмента рационализации и социального контроля» [Goode, 2002: 111] и утеря дисциплиной своей руководящей роли стали основанием для правой критики социологии девиантности. Так, Даниэль Мойнихан отмечает, что культурный релятивизм в социологии девиантности ведет к упадку общества [Moynihan, 1993]. По его мнению, необходима рестигматизация социально опасного поведения. Э. Хендершот в своей монографии «Политика девиантности» развивает идеи Д. Мойнихана [Hendershott, 2002]. Констатируя то обстоятельство, что Г. Беккер — лицо, ответственное за смерть социологии девиантности, автор вменяет ему в вину разрыв с традицией рассмотрения ряда норм как однозначно «правильных» и необходимых для благополучного функционирования социальной общности. Начиная с 1960-х годов, пишет Э. Хендершот, наступило время «моральной относительности», когда практически ничто не воспринимается как однозначно постыдное или аморальное, вместо этого мы имеем дело со своего рода рынком, на котором конкурируют разные идеи девиантного. В результате, например, «специалисты в сфере здравоохранения снимают наркозависимых с морального крючка» [Hendershott, 2002: 10].

³ Отметим, что эта повестка актуальна и сегодня, в этой связи выглядит неслучайным то, что конференция Европейской группы исследований девиантности и социального контроля в 2017 г. была посвящена именно этой теме и называется «Выявляя вред: государства, корпорации и организации как преступники» (см. подробнее: <http://www.europeangroup.org/?q=node/123>).

В итоге использование концепта девиантности стало «чем-то вроде красного флага, который может привлечь слишком много внимания представителей множества теоретических лагерей. Зачем же нарываться на неприятности?» [Best, 2014: 56—57].

Поиск путей выхода из кризиса

Девиантность как социальный ущерб

Один из путей возвращения социологии девиантности ее роли арбитра предполагает обращение к понятию социального ущерба. Так, Барбара Костелло пишет о том, что источник проблем дисциплины — преувеличение значимости вариативности внутри- и межгрупповых ценностей. Культурный релятивизм в нормативных системах, отмечает она, рассматривается как неоспоримый факт, между тем, по мнению исследователя, это утверждение должно быть проблематизировано. Б. Костелло полагает, что эмпирическая демонстрация культурных различий не доказывает того, что не существует неких универсальных нормативных стандартов, необходимых для выживания социальной группы. Соответственно, поведение должно оцениваться в качестве девиантного, если оно наносит ущерб этим самым необходимым для выживания социальной общности устоям [Costello, 2006: 582].

Б. Костелло критикует сторонников конструктивизма за то, что они, по сути, наделяют индивидов и социальные группы способностью произвольно приписывать тем или иным формам поведения свойства девиантного. Не отрицая того очевидного факта, что общественным мнением при определенных обстоятельствах можно манипулировать, она, тем не менее, полагает, что возможность навязывания людям мнения о вреде того или иного поведения ограничена способностью последних наблюдать и делать выводы [Costello, 2006: 587]. Б. Костелло при этом ссылается на многочисленные исследования, показывающие, что наиболее серьезные преступления характеризуются наименьшим разбросом мнений относительно их вреда [см., например: Levi, Jones, 1985; Meithe, 1982; O'Connell, Whelan, 1996]. Таким образом, она отстаивает точку зрения, в соответствии с которой поведение, наносящее ущерб окружающим или самому действующему, осуждается решительнее, чем иные типы поведения. Кроме того, оценки социально опасного поведения, как правило, более согласованные (в сравнении с оценками неодобряемого поведения, не несущего объективной угрозы)⁴.

Э. Гуд критикует Б. Костелло за ее идеализированный взгляд на обывателей как на рациональных агентов, способных к калькуляции объема социального ущерба [Goode 2006b: 609]. Ученый при этом ожидаемо ссылается на исследования А. Тверски и Д. Канемана, которые продемонстрировали, что люди, как правило, неточно оценивают масштабы вреда того или иного явления. Э. Гуд, в частности,

⁴ Подобный подход вряд ли можно назвать мейнстримным для современной социологии девиантности. Стоит, тем не менее, отметить, что он лежит в основе такого набирающего популярность у западных криминологов направления, как земиология (англ. *zemiology*, от греческого слова *zēmia*, означающего «ущерб», «вред»). Земиология выросла из критики классической криминологии, в основе этой критики — утверждение о том, что необходимо сместить акценты с изучения совершаемых индивидами преступлений на анализ вреда, наносимого обществу, причем в качестве «виновных» в данном случае рассматриваются уже не столько отдельные люди, сколько государства и различные организации, прежде всего коммерческие. Джеймс Тредуэлл отмечает, что подобная смена оптики позволяет расширить рамки криминологии за счет обращения, к примеру, к проблемам бедности или загрязнения окружающей среды [Treadwell, 2013: 14].

приводит результаты опросов, в соответствии с которыми несчастный случай и болезнь признавались респондентами в равной степени опасными событиями, в то время как на самом деле болезнь отнимает примерно в 15 раз больше жизни, чем несчастный случай. Он заключает, что в то время как исследователи могут измерять вред, обращаясь к таким показателям, как уровень смертности, экономические затраты и т. п., нельзя говорить об объективности и согласованности мнений обывателей о том, что наносит вред социальному порядку [Goode 2006b: 611].

«Генеалогия» девиантного

Дэвид Даунс и Пол Рок пишут, что социология девиантности на современном этапе — не связная, внутренне непротиворечивая дисциплина, но совокупность множества сравнительно независимых версий социологии, объединенных не столько подходом, сколько предметом [Downes, Rock, 1998: 1—3]. Учитывая это, они призывают рассматривать девиантность в качестве специфического инструмента повышения чувствительности исследователя, а не самодостаточного концепта. Нахман Бен-Йегуда, следуя по этому пути, пишет о том, что, возможно, наиболее продуктивный способ изучать девиантность — такой, который предполагает ее вписывание в контекст «больших» исследовательских вопросов, связанных с осмыслением масштабных социальных трансформаций [Ben-Yehuda, 2006: 578]. Он также полагает, что, «возможно, имеет смысл... отказаться от термина девиантности в пользу какого-то иного, политически и морально нейтрального понятия» [Ben-Yehuda, 2006: 565], например, такого как неконвенциональное (или неконформное) поведение.

Утверждая, что исследователи должны отказаться от микроанализа в пользу изучения девиантности в контексте масштабных процессов социальных изменений, Н. Бен-Йегуда подчеркивает значимость обращения к сюжетам, связанным с вопросами власти и подчинения, а также морали [Ben-Yehuda, 2006: 560]. Это обусловлено тем, что, по его мнению, именно мораль и власть являются ключевыми факторами при определении того, что является девиантным, а что — нет⁵.

В качестве примера исследования, реализованного в предложенных рамках, Н. Бен-Йегуда приводит собственное исследование феномена политических убийств. Он рассматривает данный тип насилия как альтернативу судебной власти в ситуации неэффективности последней. По мере эволюции официальной системы правосудия, отмечает автор, политические убийства в западных обществах сходят на нет. Таким образом, резюмирует он, внимание к историческому контексту позволяет объяснить возникновение и исчезновение тех или иных форм девиантного поведения.

Еще один пример — изучение этим же автором феномена измен и предательств. Обращаясь к фигурам Иуды Искарриота, Эзры Паунда, Андрея Власова и многих других, Н. Бен-Йегуда пишет о том, что исследование этого явления в кросс-культурной и исторической перспективе позволяет выявить закономерности, описывающие специфику различных типов реакции на подобные вызовы.

⁵ Впрочем, автор не предлагает какой-то внятной стратегии анализа, ограничиваясь лишь формулированием предельно общих рекомендаций.

Таким образом, описанный подход является междисциплинарным, исторически ориентированным и конструктивистским.

Девиантность как многомерный феномен

Марк Конти обсуждает перспективы разработки интегративного подхода к осмыслению феномена девиантности [Konty, 2006]. Он пишет о том, что вопрос об источнике социальной реакции на девиантное поведение — это, по сути, вопрос об источнике правил⁶ [Konty, 2006: 624]. Правила, в свою очередь, тесно связаны со стремлением минимизировать социальный ущерб. М. Конти, в частности, апеллирует к данным экспериментальных исследований, позволяющим описать возникновение социальных норм (и ориентированных на их поддержание санкций) как реакцию на ситуацию наличия у девиантного действия негативных экстерналий для членов группы. Так, он ссылается на Кристин Хорн, которая описывает санкции как инструменты, позволяющие снизить вред⁷ [Horne, 2004]. Кроме того, М. Конти упоминает Р. Райта, пишущего о том, что правила реализуют эволюционную функцию минимизации коллективного вреда [Wright, 1995].

М. Конти рассуждает следующим образом: в случае с некоторыми правилами вред, от которого следование этому правилу защищает, очевиден, к примеру, убийство явно несет в себе вред для убитого, его семьи, а также стабильности и производительности группы в целом. Определенные виды убийства (самооборона, эвтаназия) не запрещены, но, опять-таки, именно в силу стремления минимизировать вред. При этом, отмечает автор, нельзя отрицать, что существует немало ситуаций, когда вред «изобретают», в этом случае мы говорим о социальном конструировании девиантности, манипуляциях общественным мнением и т. п. Вместе с тем, солидаризируясь с Б. Костелло, М. Конти отмечает, что даже если наделенная властью группа использует те или иные правила, действуя в собственных интересах, она, тем не менее, по-прежнему должна апеллировать к идее вреда, на который ссылаются эти правила, даже если речь идет лишь об ущербе, наносимом этой узкой группе.

М. Конти также ссылается на Джона Хейгана, который разрабатывает понятие девиантности, включающее сразу три измерения: оценку социального вреда, степень выраженности социетального ответа/наказания и наличие консенсуса относительно норм [Hagan, 1994]. Наиболее серьезные проступки (такие как уголовные преступления), вероятно, будут одновременно служить источником выраженного социетального ответа, являться источником социального ущерба и при этом характеризоваться согласованностью оценок. Менее серьезные

⁶ Отметим, что М. Конти в цитируемой публикации не дифференцирует правила и нормы, используя эти понятия как синонимичные. Осознавая уязвимость этой позиции (см., например, на эту тему [Девятко, 2016: 37]), мы, тем не менее, выносим вопрос о допустимости подобной подмены за рамки этой работы.

⁷ К. Хорн отмечает, что применение санкций сопряжено с определенными издержками, порой существенными, однако в силу того, что благодаря им индивиды в конечном итоге получают значительную выгоду, группа, как правило, готова нести эти издержки. Что же касается выгоды, то она может быть как прямой (пример — выигрыш от снижения уровня насилия в сообществе), так и косвенной, увеличивающей шансы члена группы на участие в эффективном обмене. Подобные косвенные выгоды могут выражаться в более эффективном расходовании временного ресурса (который в случае отсутствия санкций мог бы быть потрачен не на продуктивное взаимодействие, а на обеспечение безопасности), защищенность собственности (которая и является предметом обмена), лучшее понимание норм сообщества (что, опять-таки, позволяет коммуницировать более эффективно) и т. п. [Horne, 2004].

проступки, как правило, причиняют меньше вреда, характеризуются большим разбросом оценок и при этом вызывают более мягкие реакции (либо остаются вообще без санкций). Эти три измерения концептуально различны, но, вместе с тем, они тесно связаны. Комментируя работу Д. Хейгана, М. Контти заключает: «...Все эти элементы — правила, наносимый вред и ответные реакции — имеют место при изучении девиантности и каждый из них одинаково важен... Каждый элемент представляет собой относительно адекватный критерий девиантности» [Konty, 2006: 623].

Выводы

Социология девиантности по-прежнему популярна у студентов (по меньшей мере, в Северной Америке), вместе с тем, дисциплина жестко критикуется исследователями, с одной стороны, за неуместное морализаторство и игнорирование отношений власти и подчинения, с другой — за утерю морального контроля, отказ от попыток сделать общество более управляемым и безопасным. Помимо критики, имеющей в своей основе моральные и идеологические основания, дисциплина критикуется и за то, что после 1970-х годов «не было какого-либо существенного продвижения в теории. Не появилось какой-либо новой парадигмы, способной трансформировать поле» [Best, 2004a: 68].

Н. Бен-Йегуда, рассуждая о том, какой должна быть социология девиантности в XXI веке, разрабатывает версию дисциплины, ориентированной на изучение особенностей бытования тех или иных форм девиантности в различных социально-исторических контекстах [Ben-Yehuda, 2006: 578]. Представляется, что этот автор, по сути, следует процитированному выше призыву К. Самнера «бросить оружие и проявить уважение к мертвым» [Sumner, 1994: 9].

Впрочем, предлагаются и иные пути выхода из кризиса. Прежде всего, это разработка интегративных подходов к осмыслению девиантности, актуальность которых обусловлена необходимостью прояснения взаимосвязей между правилами (нормами), социетальной реакцией на девиантность и категорией вреда (или социального ущерба).

Список литературы (References)

Гилинский Я. И. Социология девиантности (новеллы и перспективы) // Социс. 2009. № 8. С. 70—73. [Ghilinskiy Ya.I. (2009) Sociology of deviations (nova and outlook). *Sociological Studies*. No. 8. P. 70—73.] (In Russ.)

Девятко И. Ф. Социальные нормы: от попыток определения к новым типам теоретических вопросов и теорий нормативного // Социс. 2016. № 12. С. 35—3. [Deviatko I. F. (2016) Social Norms: From Attempts of Definition Towards New Theoretical Questions and Theories of Normativity. *Sociological Studies*. No. 12. P. 35—3.] (In Russ.)

Adler P.A., Adler P. (2006) The Deviance Society. *Deviant Behavior*. Vol. 27. No 2. P. 129—148. <https://doi.org/10.1080/15330150500468444>.

Adler P. A., Adler P. (2008) *Constructions of Deviance: Social Power, Context, and Interaction*. 6th ed. Belmont, CA: Wadsworth.

Becker H. S. *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. New York: Free Press. (1963)

Ben-Yehuda N. (2006) Contextualizing deviance within social change and stability, morality, and power. *Sociological Spectrum*. Vol. 26. No 6. P. 559—580. <https://doi.org/10.1080/02732170600948790>.

Best J. (2004a) *Deviance: Career of a Concept*. Belmont, CA: Wadsworth.

Best J. (2004b) Deviance May Be Alive but Is It Intellectually Lively? A Reaction to Goode. *Deviant Behavior*. Vol. 25. No 5. P. 483—492. <https://doi.org/10.1080/01639620490441290>.

Best J. (2006) Whatever happened to social pathology? Conceptual fashions and the sociology of deviance. *Sociological Spectrum*. Vol. 26. No 6. P. 533—546. <https://doi.org/10.1080/02732170600948816>.

Best J. (2014) *The Deviance Bubble*. In: *The Death and Resurrection of Deviance. Current Ideas and Research*. Ed. By M. Dellwing, J. A. Kotarba, N. V. Pino. NY: Palgrave Macmillan. P. 54—67.

Conrad P., Schneider J. W. (1980) *Deviance and Medicalization: From Badness to Sickness*. St. Louis: Mosby.

Costello B. J. (2006) Cultural Relativism and the Study of Deviance. *Sociological Spectrum*. Vol. 26. No 6. P. 581—594. <https://doi.org/10.1080/02732170600948824>.

Dellwing M., Kotarba J. A., Pino N. W. (2014) Introduction. *Tales of Death and Deviance*. In: *The Death and Resurrection of Deviance. Current Ideas and Research*. Ed. By M. Dellwing, J. A. Kotarba, N. V. Pino. NY: Palgrave Macmillan. P. 1—8.

Dotter D. (2014) Debating the Death of Deviance. *Transgressing Extremes in Conspiracy Narratives*. In: *The Death and Resurrection of Deviance. Current Ideas and Research*. Ed. By M. Dellwing, J. A. Kotarba, N. V. Pino. NY: Palgrave Macmillan. P. 127—151. <https://doi.org/10.1057/9781137303806.0012>.

Downes D., Rock P. (1998) *Understanding Deviance. A Guide to the Sociology of Crime and Rule Breaking*, 3rd edition. Oxford, UK: Oxford University Press.

Feinberg S. L. (2011) Defining Deviance: A Comparative Review of Textbooks in the Sociology of Deviance. *Teaching Sociology*. Vol. 39. No 4. P. 382—387.

Goffman E. (1961) *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. Garden City, NY: Anchor.

Goffman E. (1963) *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. Englewood Cliffs, NJ: Spectrum.

Goode E. (2002) Does the Death of the Sociology of Deviance Make Sense? *American Sociologist*. Vol. 33. No. 3. P. 107—118. <https://doi.org/10.1007/s12108-002-1014-2>.

Goode E. (2003) The MacGuffin That Refuses to Die: An Investigation into the Condition of the Sociology of Deviance. *Deviant Behavior*. Vol. 24. No. 6. P. 507—533. <https://doi.org/10.1080/713840272>.

Goode E. (2004a) Is the Sociology of Deviance Still Relevant? *American Sociologist*. Vol. 35. No. 4. P. 46—57. <https://doi.org/10.1007/s12108-004-1023-4>.

Goode E. (2004b) The «Death» MacGuffin Redux: Comments on Best. *Deviant Behavior*. Vol. 25. No. 5. P. 493—509. <https://doi.org/10.1080/01639620490441317>.

Goode E. (2006a) Is the Deviance Concept Still Relevant to Sociology? *Sociological Spectrum*. Vol. 26. No. 6. P. 547—558. <https://doi.org/10.1080/02732170600948865>.

Goode E. (2006b) Relativism and the Demise of the Sociology of Deviance: a Reply to Costello. *Sociological Spectrum*. Vol. 26. No 6. P. 607—613. <https://doi.org/10.1080/02732170601003603>.

Goode E. (2011) *Deviant Behavior*. 9th ed. Boston: Prentice Hall.

Goode E. (2014) The Meaning and Validity of the Death of Deviance Claim. In: *The Death and Resurrection of Deviance. Current Ideas and Research*. Ed. By M. Dellwing, J. A. Kotarba, N. V. Pino. NY: Palgrave Macmillan. P. 11—30.

Hagan J. (1994) *Crime and Disrepute*. Thousand Oaks, California: Pine Forge Press.

Hendershott A. (2002) *The Politics of Deviance*. San Francisco: Encounter Books.

Horne C. (2004) Collective Benefits, Exchange Interests, and Norm Enforcement. *Social Forces*. Vol. 82. No 3. P. 1037—1062. <https://doi.org/10.1353/sof.2004.0041>.

Konty M. (2006) Of Deviance and Deviants. *Sociological Spectrum*. Vol. 26. No 6. P. 621—631. <https://doi.org/10.1080/02732170600948782>.

Levi M., Jones S. (1985) Public and Police Perception of Crime Seriousness in England and Wales. *British Journal of Criminology*. Vol. 25. No 3. P. 234—250. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.bjc.a047529>.

Liazos A. (1972) The Poverty of the Sociology of Deviance: Nuts, Sluts, and Perverts. *Social Problems*. Vol. 20. No 1. P. 103—120. <https://doi.org/10.2307/799504>.

Meithe T. D. (1982) Public Consensus on Crime Seriousness. *Criminology*. Vol. 20. No. 3—4. P. 515—526. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1982.tb00475.x>.

Merton R. K. (1979) Foreword. In: *Citation Indexing: Its Theory and Application in Science, Technology, and Humanities*. Ed. by E. Garfield. New York: John Wiley & Sons. P. V—IX.

Miller J. M., Wright R. A., Dannels D. (2001) Is Deviance «Dead»? The Decline of a Sociological Research Specialization. *The American Sociologist*. Vol. 32. No 3. P. 43—59. <https://doi.org/10.1007/s12108-001-1027-2>.

Moynihan D. P. (1993) Defining Deviancy Down. *American Scholar*. Vol. 62. No 1. P. 17—31.

O'Connell M., Whelan A. (1996) Taking Wrongs Seriously: Public Perceptions of Crime Seriousness. *British Journal of Criminology*. Vol. 36. No 2. P. 299—318. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.bjc.a014087>.

Schur E. M. (1965) *Crime Without Victims. Deviant Behavior and Public Policy: Abortion, Homosexuality, Drug Addiction*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

Sumner C. (1994) *The Sociology of Deviance: An Obituary*. Buckingham: Open University Press.

Treadwell J. (2013) *Criminology: The Essentials*. London: Sage.

Wright R. (1995) *The Moral Animal: Why We Are, the Way We Are*. New York: Vintage.